

Получив в конце девяносто четвертого звание «Лучший актер-мужчина года», Сергей Маковецкий в одночасье стал чуть ли не флагом «нового российского кинематографа». Его лицо, возникшее как бы ниоткуда, стало узнаваемо, а фамилия, еще несколько лет назад не говорившая ни о чем, стала символом кассового успеха. Правда, для этого понадобилось почти пятнадцать лет — ведь на сцене Маковецкий с 1980-го, а в кино — с 1981-го.

— Сергей, скажите честно, как получилось, что вас не было — не было, и вдруг — бац! — и все знают, кто такой Маковецкий?

— Люди меня просто не замечали. До девяносто второго года, когда все сказали: «Боже мой! Откуда он взялся?!» — я уже давно существовал. Но почему-то очень часто глаз замылен.

— И благодаря чему же он, вашими словами говоря, размылился?

— Видимо, я уже поддых дал.

— А почему никто не видел вас ни в театре, ни в кино?

— Может, у меня не было таких уж шикарных ролей, может быть, действительно люди имели право не замечать меня?

— А с чего вы начинали?

— С военных: я играл разведчиков, танкистов, сыновей трудового народа...

— Это которые с сохой?

— Нет, не с сохой...

— И удачно?

Вместо ответа Маковецкий издает довольно неожиданный звук губами, после которого становится понятно, что ждать чего-то еще совершенно бессмысленно.

— Но хоть танкисты-то ваши ходили в шлеме?

— Конечно, в шлеме! И даже в настоящем танке доводилось бывать. Однажды режиссер вывез этот танк куда-то под Николаев, но снимали только внутри. Для чего надо было в такую даль нас тащить, до сих пор не пойму. Представьте себе: броня, раскаленная до пятидесяти градусов, и мы сидим. И когда все это посмотрели, художник заявляет: кто вам создал такие чудовищные декорации?!

— И чем вся эта история закончилась?

— Чего уж там говорить... Раз не было искусства, то ты сделай все хоть трижды натуральным и естественным, на поверку окажется клюква: вместо крови...

— Кетчуп?

— Кетчуп, наверное, дорого...

— В народе так говорят про смерть в дешевых лентах: гляди-ка, кетчупом всего беднягу измазали.

— Да-да. Потому что забывается об элементе искусства, одно присутствие которого в жизни... Как-то я сейчас очень умно вывожу...

— Присутствие, оно...

— Оно и должно определять — будут ли у нас настоящие герои, или их не будет.

— Это как раз к разговорам о вас. Многие утверждают: Маковецкий — не герой, и играет он не героев, и в жизни он человек не героический, расплывчатый, амеболоподобный...

— Те, кто так сказал, просто не умеют отделять одно от другого. Театр и кино — это игра. Это то, что в данный момент хочу попробовать, то качество, какое я в себе самом сию минуту хочу найти. И это не значит, что я такой аморфный человек, ничего не умеющий, ничего не знающий, абсолютно не героический.

— Как же в таком случае получилось, что вы так ни разу пока и не сыграли настоящего героя?

— Социального?

— Нет, вообще: героя-любownika, героя-мужчину, такого немного мачо...

— Мне действительно пока не пришлось сыграть ни одного крутого парня с напряженными бицепсами. Придет интересный сценарий, может, покажу и это свое умение. А пока мне предлагают роли куда более интересные, более неоднозначные. Возьмите хоть «Макарова» или «Пьесу для пассажира» — это все нормальные люди. Наверное, поэтому придумали даже такой термин: «не герой нашего времени».

— И как вы к нему относитесь?

— Один человек сказал: твои персонажи очень похожи на людей, которые живут в нормальной жизни — такое ощущение, что ты находишься в толпе и вдруг откуда вышел. Может, это и притягивает сегодня.

— А «Пьесу для пассажира» многие назвали провалом. Я говорю о критиках.

— Это потому, что как только что-то не входит в их трафареты — это провал.

— А танковый боевик, о котором вы рассказали вначале?.. Он хоть на экраны вышел?

— Один раз.

— А как назывался — помните?

— Помню, но...

— В конспиративных целях не хотите предавать огласке?

— Ладно. «Экипаж машины боевой».

— Яркое название. Сразу привлекает...

— Сегодня очень просто говорить. А когда это одна из твоих первых ролей в кино, ты прекрасно понимаешь, что и до тебя на экране была война, и тоже с белыми подворотничками: разведчики ползают по болоту, но подворотничок непременно белоснежный. Сейчас-то легко размахивать руками, но тогда я, поверьте, делал все это очень искренне.

— Нравилось?

— Играть военных? Да.

фото Якова Титова

НЕ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Сергей Маковецкий играет в другие игры

— На самого себя на экране смотреть было не стыдно?

— Что значит — стыдно?

— Бывают моменты. Когда хочется просто закрыть глаза и не видеть.

— Такого не было. То есть я прекрасно понимал, что кино слабое, но момент работы... Мне нравилось ехать после съемок с наградами.

— Надо полагать, странный это был ветеран.

— (Маковецкий снова издает какой-то чудной, полусвистящий звук.) Сегодня я понимаю, что все надо было делать по-другому, но тогда...

— А если немного вернуться к боевикам? Так уж случилось, что я вас видел на сцене в одних плавках...

— В каком спектакле?

— «Я тебя больше не знаю, милый».

— А! Да-да, было...

— Думаю, что вам безо всяких проблем удалось бы сыграть здакого русского Брюса Уиллиса.

— Ну уж нет. Я же все-таки смотрю на себя в зеркало. Конечно, если мне немного подзаняться, можно было бы и похвастаться бицепсами. Но пока я как-то не готов демонстрировать свои прелести. Шучу.

— Можете, за этой неготовностью и скрывается ответ на вопрос, почему наше кино не похоже ни на какое другое?

— То количество хороших фильмов, которое делаем мы, и то, которое делают те же американцы, — одинаковое. И в Америке полно плохих лент.

— Однако в большинстве удавшихся американских проектов на первом плане — Герой, причем именно в прямом понимании этого слова, а не герой-размазня. А у нас все наоборот.

— Дело тут совсем в другом: они в любом своем фильме главного героя оставляют в живых, а в наших лентах его очень часто пытаются уничтожить.

— Русский такой подход, своего рода традиция.

— Мне больше нравится, когда он остается живым, когда неожиданный поворот и все нормально — happy end. Я прекрасно помню свои детские впечатления: картина очень нравилась, но в конце герой погибал. Мы с сестрой ревели в голос, не сговариваясь. Поэтому в том, что они оставляют своих героев живыми, есть какая-то правда. Но мы любим хоронить...

— Недаром же говорят, что в России хлебом не корми — дай пострадать, помучиться: чем хуже, тем лучше.

— Может быть. Но мне хочется, чтобы кто-нибудь снял у нас настоящую шикарную мелодраму: пусть будут переживания, пусть они расходятся, сходятся...

— Вам такого еще не предлагали?

— Уже предложили, но это не чисто мелодрама — она как бы с элементами ирреальности: моя жена, которая умрет в

самом начале, будет ко мне приходить...

— Ужас какой! И это называется мелодрамой?

— Так в конце же между ними опять возникает роман! А вообще-то не будем раскрывать карты: воруют у нас сюжеты, воруют.

— Именно поэтому вам ближе театр?

— Я не разделяю театр и кино. Но театр действительно обожаю — особенно в те моменты, когда неохота выходить на сцену. Это не значит, что ты преодолеваешь себя, бьешься головой о стену со словами: я теперь не Сережа, я — персонаж. Но когда ты с этим настроением выходишь и происходит момент творчества — это, по-моему, самое великое.

— А кино?

— Его нужно сделать так, чтобы потом не было мысли: эх! надо бы переснять, надо было сыграть так, а не эдак... Хотя все равно пройдет время, когда ты, посмотрев этот же фильм снова, подумаешь: я бы это снял по-другому. Но это будет неправда, потому что взгляд этот — с позиции человека, который стал старше на несколько лет. Кино вообще сложнее тем, что нужно уметь ждать: ты уже готов, а надо терпеть, пока установят свет, или декорации, или что-то случится: солнце ушло, солнце пришло, а вдруг не надо солнца, а давайте дождь, а пожарная машина не приехала, или приехала, а в кране нет воды... Так что это два разных вида искусства.

— А как же получилось, что вы так неравнодушны к кино в тот момент, когда его почти никто не видит?

— Я не думаю, что актер, снимающийся в кино, говорит: я снимаюсь просто так. Всегда есть надежда, что его посмотрят. Еду я однажды в Питер, а мне говорят: Макаров, я спрашиваю: вы видели фильм? Да, отвечают, у нас в Туле показали.

— А каким, на ваш взгляд, будет кино в следующем веке?

— Если человек окончательно не превратится в животное, оно будет человеческим. Снимать-то будут все равно о людях, об их взаимоотношениях. Какими мы сами будем — хитрее, умнее, неоднозначнее, — такое и кино будет. А может быть, придет эпоха вообще сказки: люди настолько изменятся, что режиссеры захотят снимать о качествах, которых уже просто нет.

— А то, что с ним случилось за сто лет, вам нравится: как оно трансформировалось от паровоза, которого люди боялись, до сегодняшнего состояния?

— Вот вы сказали самое главное: люди боялись. Тогда люди вскочили и убежали из зрительного зала. А сейчас их труда не заташить.

— До сих пор, видимо, в себя прийти не могут. А вы-то сами когда в последний раз были в кинотеатре — чтобы не на премьеру собственного фильма, а с билетом?

— Ай-яй-яй-яй-яй... А фестивали не считайте?

— Нет.

— Жаль. Я люблю смотреть фильмы на фестивалях. А так, чтобы собраться, купить билет — я не был там очень давно. Видите, если я сам не хожу в кино, что я могу требовать от людей? Я ведь тоже люблю сидеть дома, обложить себя всяческими перекусками...

— И что смотрите в этот момент?

— Кто-то советует посмотреть то-то и то-то. Например, в последний раз я смотрел «Подводный мир» и «Крепкий орешек-3».

— И как?

— Хорошие фильмы.

— Сами бы хотели сняться в таком?

— Да.

— Не дают?

— Не дают.

— А мечтаете?

— Я сейчас снялся у французского режиссера в стопроцентном французском фильме.

— Неужто и говорили по-французски?

— Нет, на русском: картина будет демонстрироваться на русском с французскими титрами. Она — о Шостаковиче, которого я и сыграл.

— Что получилось?

— В апреле посмотрим.

— Называется-то хоть как?

— «Скрипка Ротшильда» — это, кстати, одно из первых воплощений Дмитрия Дмитриевича на экране.

— А вы играли там сами?

— Нет, я сам не играл — только вид делал: снимался совершенно другой человек.

— Я говорил о музыкальных инструментах.

— Не было там таких.

— Это в фильме-то о Шостаковиче не было?

— Ну, несколько сцен, например, с учениками: надо было сделать классный аккорд из «Хованщины». Так я нарисовал себе карандашом очень жирные кляксы на клавишах, на которые мне нужно было надавить. Главное, это надо было сделать профессионально. Но, думаю, получилась какая-то какофония.

— Уже видели?

— Нет еще — съемки только-только закончились, и хотя меня режиссер предупредил: мол, пусть будет что угодно, мы потом какой-нибудь узнаваемый аккорд подложим, но вы могли бы себе представить композитора, который подходит к роялю и думает, на какую кнопку ему опустить палец?

— Мощно. Чему же еще вас научило кино, кроме как профессионально всюду нажимать?

— Буковки учить очень быстро.

— То бишь память стала чрезвычайно обширной?

— Угу. Настолько, что когда сказали: «Стоп!» — белый лист бумаги.

— Тоже сильно. В школе это зубрежкой называется.

— Нет. Это — фотографическая память.

— Час от часу не легче. Что же еще-то?

— Еще? Подвижности меня кино научило.

— Быстрее бегать стали, да? Выше прыгать? Нырять?

— Ну не играл я в боевиках...

— Не в одних же боевиках бегают: можно и в любимой вами мелодраме — за супругой неверной...

— По крайней мере в «Пьесе для пассажира» я играл в очках плюс восемь.

— А что будет следующим?

— Теперь надо будет взять минус восемь.

— Думаете, это потом как-то пригодится в жизни?

— Вряд ли. До сих пор у меня не было в кино чего-то такого, что потом в жизни как-то пригодилось. Но сами роли, конечно, наложили на меня определенный отпечаток.

— И что же именно с вами сделало кино?

— Уж кардинально оно меня не изменило

— немножко скорректировало.

— В какую, если не секрет, сторону?

— В х...лудшую.

— В хлудшую? Это хорошо. Видимо, именно благодаря этому ваша супруга не против того, чтобы вы бежали по сцене в одних плавках? На Западе с этим, знаете ли, часто большие проблемы: то жена против чего-то, то муж...

— Бегаю?

— Ну, не бегаю, а прыгаю — на балкон, например.

— Это одна маленькая сцена. Напишите вот так, и все подумают, что я только в плавках и бегаю. Однажды одна газета уже написала, что самое гениальное в спектакле — это то, что мои «бэбики» видны из-под шортиков, как будто я забыл плавки надеть. А супруга ко всему этому относится хорошо — я ей нравлюсь.

— Почему же тогда ходят упорные слухи о вашей несколько странной сексуальной ориентации? Пара моих знакомых из ГИТИСа даже посоветовали мне держаться рядом с вами как можно осторожнее.

— То, что обо мне говорят, меня совершенно не интересует. Вы, кстати, пришли — не испугались?

— А чего мне бояться — я вон фотоаппарат с собой прихватил.

— А-а, так вы поэтому его взяли... Нет, у меня нормальная сексуальная ориентация.

— А откуда же тогда все эти слухи?

— Они родились...

В дверь стучат. Через пару секунд в проеме возникает лицо, появление которого Маковецкий встречает словами: «Леночка! Привет, дорогая моя!». «Можно на секундочку?» — спрашивает так и не зашедшая в комнату Лена. «Кого? Меня?» — вопрошает вроде как удивленный Сергей.

«Интересно, кого же еще?» — действительно удивляется она. Маковецкий удаляется за дверь, а по возвращении радостно произносит:

— Лена, моя супруга, открывая дверь, случайно услышала ваш вопрос.

— И как реагировала?

— Нормально. Так же, как и я реагирую.

— Значит, у вас наверняка есть поклонники?

— Есть. Даже предлагающие бросить семью ради них.

— И как — не соблазнились пока?

— Я очень аккуратно ко всему этому отношусь. Но у меня нет фан-клуба. Хотя... Вчера на спектакле, когда я вышел на поклон, был такой визг, как будто я спел песенку, шлягер какой-нибудь.

— Кричали, конечно, «браво».

— Да какое там «браво». Просто: «А-а-а-а-а-а-а!» Весь зал вздрогнул.

— А вам все же было приятно, да? Лестно, когда такая популярность?

— Знаете, я не люблю, когда на улице за триста метров видно, что идет артист.

— И потому вне театра вас не узнают?

— Почему же, узнают. Приходишь в магазин, а девочки сразу из-за прилавков выходят, из подсобок...

— Что-то прихватив для подарка...

— Что-то прихватывают. Но тут уже включаешь один такой штампик и становишься очень сосредоточенным человеком.

— Однако узнаваемость помогает?

— Если я заявлю, что меня это тяготит, значит, каждый будет вправе сказать мне: милый, смени профессию, иди на завод.

— Вам уже поздно — и там узнают. Но, если серьезно, все актеры именно так и говорят: я устал!

— А я нет — у меня еще и возможности устать от популярности не было. Она, может, только и началась-то...

— Но будет, естественно, шириться и множиться?

— Хотелось бы.

— А что вы будете для этого делать?

— Искренне работать, не жалея себя. Вы же это от меня хотите услышать?

— Я? С чего вы взяли?

— В таком случае по-другому скажу. Что я буду для этого делать? Да ничего!

— Вот это лучше...

— Но это неправда.

— А все остальное, что вы мне сегодня говорили — правда?

— Наполовину. А вы что хотели, чтобы я прямо сейчас взял, и как на приеме у врача: доктор, у меня здесь болит, у меня здесь лопит? А он скажет: милый, так долго не живи...

Маковецкий Сергей

55